

Федор Федорович Мартенс (1845–1909) — гуманист нового времени

Владимир Пустогаров

В истории человеческого вида, как бы глубоко мы не заглядывали в прошлое, идеалом всегда оставались мирные отношения между людьми и народами. И вместе с тем история человечества заполнена войнами и кровавыми конфликтами. Письменные свидетельства, устные предания и немые свидетельства археологии неоспоримо говорят о жестокости и насилии человека над человеком. Но столь же древними являются проявления взаимопомощи, сострадания и милосердия. Мир и война, добрососедство и агрессия, злодеяния и гуманность продолжают соседствовать друг с другом и в наши дни.

Разорвать эту порочную цепь, покончить с войной и насилием — важнейшая задача современности, и она тем более актуальна, что решение ее самым тесным образом связано с предотвращением экологической катастрофы, угрожающей всему земному шару и его обитателям.

*Федор Федорович
Мартенс (1845–1909)*

Рецепты устранения войны многочисленны и разнообразны, и все они заслуживают внимания. В то же время неоспоримо значение и плодотворность великой идеи — защитить от войны жизнь человека, его честь и достоинство средствами права с тем, чтобы в конце концов изгнать и саму войну из международных отношений. При этом огромна роль формирования необходимого правосознания: «*homo sapiens*» действует в соответствии с теми представлениями, которые сложились в его голове. Юридическая норма тогда приобретает силу, когда овладевает сознанием достаточно широкого слоя людей. Библейские десять заповедей можно высечь на каменных скрижалях, отлить в бронзовые доски или отштамповать на стальных листах — они будут мертвы, если не станут частью правосознания общества.

С эволюцией нравственных ценностей, определяющих понятие справедливости (*justitia*), меняется и право, включая международное право, и в этом развитии имеются свои вершины, обозначенные именами выдающихся юристов. К сожалению, наша культурная традиция — во всяком случае после падения Древнего Рима — отводит юристам последние ряды, далеко позади императоров и полководцев, литераторов и живописцев. Стихи миннезингера Вальтера фон дер Фогельвайде (XII в.) до сих пор входят в сборники немецкой лирики, легендарными героями остаются Наполеон и Суворов, как шедевры воспринимаются полотна Тициана и Рубенса. Но кто помнит первого кодификатора средневекового права, автора рифмованного «Саксонского зеркала» Эйке фон Репгов?

Лишь в XVII в. общеевропейская известность пришла к юристу — им стал Гуго Гроций, и только через столетия, в последней четверти XIX в. подобное признание завоевала блестящая плеяда юристов-международников из разных стран, которые заложили фундамент современного международного права.

Одним из самых замечательных представителей этой плеяды был российский юрист, дипломат и публицист Федор Федорович Мартенс (1845–1909). След его деятельности в международном праве сохранился до наших дней.

Ф. Мартенс родился в бедной семье в Пернове (ныне г. Пярну) Лифляндской губернии Российской империи. В то время Лифляндская губерния занимала территорию нынешних Латвии и Эстонии.

Девяти лет мальчик остался круглым сиротой и был направлен в сиротский дом при лютеранской церкви в Петербурге. Там он успешно закончил в немецком училище полный гимназический курс и был принят в 1863 г. на юридический факультет Петербургского университета.

О детских и юношеских годах Мартенса нам почти ничего не известно. Несомненно, они были тяжелыми. Сам он не любил вспоминать о них, но иногда накопившаяся горечь внезапно прорывалась — в личном дневнике в день своего 60-летия он писал: «И никогда так ужасно не проводил день, даже если вспомнить детство»¹. Оказывается, тяготы детства не забылись...

¹ Архив внешней политики России. (АВПР). Опись 787. Дело 9. Ед.хр. 6, л. 73–74.

В университете юноша занимался блестяще, привлек своими дарованиями внимание декана факультета И. И. Ивановского, который оставил его при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права.

Мартенс быстро защитил магистерскую диссертацию «О праве частной собственности во время войны» и был направлен в заграничную командировку. Он слушает лекции в университетах Вены, Гейдельберга, Лейпцига. Как показали позднейшие труды Мартенса, наибольшее влияние на него оказали профессор Петербургского университета А. Д. Градовский с его идеями прав личности и западноевропейского конституционализма; профессор Венского университета Л. фон Штейн, известный своими трудами по управлению и «социальному общению» через государственные границы; профессор Гейдельбергского университета И. К. Блюнчли, издавший «Современное международное право цивилизованных государств», изложенное в виде кодекса.

Расширяющееся знакомство Мартенса с отечественной и западноевропейской научной мыслью развивало у него широту кругозора, дух новаторства и самостоятельность мышления. Когда в январе 1871 г. молодой доцент выступает перед студентами с первой лекцией, то вопреки традиции он не продолжает начатый его предшественником курс, а критикует современную ему науку международного права. Он говорит о том, что наука международного права пока еще не опирается на исследование материальных факторов, не выявляет объективных закономерностей развития, что она «не сделала даже попытки исследовать внутренние законы общения государств и международных отношений». Мартенс полагал, что настало время «обратиться к исследованию законов исторического развития народов в их международной жизни»¹. То была смелая заявка молодого ученого на создание собственного учения о международном праве.

Прежде всего Мартенс восставал против концепций, которые основывали право на силу. Такой взгляд он считал недостойным человека и пагубным для международной жизни. Он указывал, что в данном вопросе иногда даже маститые ученые смешивают порядок охраны права с самим правом. Если право охраняется силой, то это не означает, что сила лежит в основе права. «Неприкосновенность жизни, чести и достоинства признается правом каждого не потому, что охраняется уголовным законом, а потому, что каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь, честь и достоинство», — доказывал Мартенс.

Что же касается движущей силы международного права, то Мартенс видел ее в развитии международных отношений, которые выражают потребность народов в общении. «*Ubi societas ibi jus est*» (где общение, там и право). Он писал: «В основу научной системы современного международного права должна быть положена идея международного общения, согласно которой каждое самостоятельное государство есть органическая часть единого целого, связанная с другими государствами общностью интересов и прав»².

¹ Ф. Ф. Мартенс. О задачах современного международного права. СПб., 1871.

² Ф. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов. Т. I. СПб., 1882, с. 178.

Реальные потребности государств формируют международные отношения, а те, в свою очередь, выражаются в международном праве. Вместе с тем международное право — не простой регистратор складывающихся межгосударственных отношений. Право воплощает одновременно нравственные ценности человечества.

Будучи трезвым реалистом, Мартенс одновременно подчеркивал «идеальную силу права», силу идей справедливости и гуманности. И как юрист и гуманист он видел основу справедливого правопорядка не в государственном суверенитете, не в «политическом равновесии» или в идее национальности, а только в праве. Основой правильно устроенной жизни, без войн и насилия, может быть право и только господство права.

Рассматривая историю античности, феодализма, Нового времени, Мартенс констатировал неуклонное изменение соотношения силы и права в пользу последнего. Он верил: «Наступит также и в области международной жизни время, когда исполнится великий закон социальной жизни, когда каждый народ будет существовать для мира и мир для него»¹.

Высокий гуманизм Мартенса побудил его поставить в центр международной жизни человеческую личность. Он утверждал, что через всю историю народов проходит один закон — «уважение человеческой личности»².

В охране прав личности, ее интересов и собственности Мартенс видел предназначение всей системы международных отношений, а уважение прав человека рассматривал как мерило цивилизованности государства и международных отношений. «Мы пришли к убеждению, — писал он, — что если в государстве человеческая личность, как таковая, признается источником гражданских и политических прав, то и международная жизнь представляет высокую степень развития, порядка и права. Наоборот, с государством, в котором человеческая личность никакими правами не пользуется, где она бесправна и угнетается, международные отношения не могут ни развиваться, ни устанавливаться на прочных основаниях»³. Свое кредо Мартенс сформулировал исключительно четко: «В охране лица заключается конечное назначение государства и цель международных отношений»⁴. Слова и мысли, достойные Устава ООН и Всеобщей Декларации прав человека!

Гуманизм Мартенса не совмещался с милитаристским духом, даже если он исходил из родного Отечества. Примечательна его публикация в петербургском журнале по случаю 150-летнего юбилея Бернского университета (Швейцария), куда он был приглашен в качестве почетного гостя. Мартенс был восхищен, что маленькая Швейцария имеет семь университетов, что университетский юбилей стал общенародным праздником города Берна и всего кантона, что маленький кантон содержит и оснащает свой университет лучше, чем Россия — свои университеты. «Для нас, русских, — писал он, — история маленького кантонально-

¹ Ф. Ф. Мартенс. Восточная война и Брюссельская конференция. СПб., 1879, с. 45.

² Ф. Ф. Мартенс. Современное международное право цивилизованных народов, указ, соч., с. 23–24.

³ Там же, с. 110–129.

⁴ Там же, с. V.

го Бернского университета во всяком случае поучительна знакомством с опытом и страданиями культурной жизни». Он добавлял: «Швейцарцы давно поняли, что составляет в наш век действительную, основную и незыблемую силу каждого народа. Это не миллионы штыков, не необъятность государственной территории и не многомиллионный состав населения. Это сила, перед которой все преклоняются и которая все завоевывает, — это сила высшей культуры, ума и таланта»¹.

Научные воззрения Мартенса определяли и его практические действия как юриста и дипломата.

В отличие от пацифистов других течений Мартенс считал совершенно утопичной ликвидацию войны в ближайшее время и в более отдаленном будущем. Единственное, по его мнению, решение этой проблемы, отвечающее гуманным целям права, — ограничение ужасов войны определенными, признанными всеми державами правилами.

Следует указать, что наступление на войну во времена Мартенса велось со многих сторон и по многим направлениям. Росло число обществ мира. Возникнув в США и Англии, они вскоре охватили значительное число стран. В 1895 г. их насчитывалось 125, в том числе в Англии — 36, Германии — 26, Франции — 14, Италии — 14, Швейцарии — 9 и т. д. До начала XX в. Россия оставалась единственной страной в Европе, где не было обществ мира. В 1848 г. общества мира провели в Брюсселе свой первый конгресс, которые затем стали проводиться ежегодно. Деятельность обществ мира влияла на общественную атмосферу, разрушая глорификацию войны. В этом же направлении воздействовали межпарламентские конференции, которые регулярно проводились начиная с 1899 г., когда в Париже состоялась первая такая конференция².

Довольно широко была распространена идея объединения цивилизованных государств в единый союз, в котором все конфликты решались бы мирным путем. Одним из наиболее страстных поборников этой идеи выступал российский юрист Л. А. Камаровский (1846–1909), которому принадлежит идея создания постоянного международного суда. Он предлагал создать первоначально союз государств Европы и Америки по образцу США³. В целом Л. А. Камаровский полагал, что важное значение для распространения идеи мира имеет утверждение практики федерализма⁴.

Сравнительно широкое распространение среди общественности получало требование сокращения вооружений, а в некоторых кругах — всеобщего разоружения.

Изобретение и производство все более разрушительных военных средств порождало ответную реакцию. По инициативе России в 1868 г. была подписана Санкт-Петербургская декларация о запрещении применения в сухопутной и морской войне снарядов менее 400 г, начиненных взрывчатыми или горючи-

¹ «Вестник Европы», СПб., 1884, № 10, с. 852–858.

² Л. А. Камаровский. Успехи идеи мира. М., 1898, с. 89–179.

³ Л. А. Камаровский. О международном суде. М., 1881, с. 483–501.

⁴ Л. А. Камаровский. Вопрос о международной организации. Соединенные Штаты Европы. М., 1905.

ми веществами¹. Решение мотивировалось стремлением избежать «излишних страданий» людей.

Обычно внимание сосредотачивается на указанной норме. В то же время Декларация 1868 г. содержит ряд других важных принципов. Так, устанавливается, что «единственная законная цель, которую должно иметь государство во время войны, состоит в ослаблении военных сил государства». Декларация, руководствуясь требованиями человеколюбия, запрещала всякие виды оружия, которые выходили за рамки основной цели войны, и требовала контроля за дальнейшим техническим совершенствованием вооружений.

Получило быстрое развитие и такое направление в ограничении ужасов войны, как забота о раненых, военнопленных, гражданском населении. Выдающимся толчком в этом плане стала деятельность молодого швейцарца Анри Дюнана, который побывал на кровавых полях Сольферино (австро-итало-французская война 1859 г.) и написал книгу об увиденном. А. Дюнан предложил создать в каждой стране общество помощи раненым, а также созвать международный конгресс по данному вопросу. Предложение это было встречено с пониманием, и в 1863 г. состоялось первое заседание Международного Комитета по оказанию помощи раненым, а в 1864 г. была принята Женевская конвенция об улучшении участи раненых на поле боя. Начали создаваться общества помощи раненым в разных странах. В 1880 г. Комитет стал называться Международным Комитетом Красного Креста (МККК).

Однако нарисованная выше картина не должна создавать ложного представления о готовности государств к ограничению вооружений, ограничению средств ведения войны, установлению более гуманных правил осуществления военных действий. В частности, Мартенсу довольно скоро пришлось столкнуться с жестокой реальностью.

Пользуясь поддержкой близкого к царю военного министра Д. А. Милютина, Мартенс подготовил проект конвенции о законах и обычаях войны. Конвенция должна была установить для всех воюющих держав единые правила ведения войны, в том числе обращения с мирным населением и вообще некомбатантами. Установленные правила должны были смягчить ужасы войны в соответствии с возросшим общественным правосознанием и гуманизмом.

По инициативе России проект конвенции был предложен на рассмотрение международной конференции, созванной в Брюсселе в 1874 г. Однако конференция не приняла конвенции. Правда, текст проекта не вызвал возражений, но сама идея ограничения войны международными правилами натолкнулась на широкое сопротивление. В конце концов составленный Мартенсом проект был принят в виде декларации. Конвенцией он стал лишь спустя два десятилетия.

Итоги Брюссельской конференции не обескуражили Мартенса. Он отстаивает свои идеи в печати. В 1879 г. он публикует объемистый труд «Восточная

¹ Декларация об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль. Санкт-Петербург, 29 ноября 1868 г. (Санкт-Петербургская декларация), текст Декларации см. в кн. «Международное право. Ведение боевых действий. Сборник Гаагских конвенций и иных соглашений». М., МККК, 1995, с. 177–178.

война и Брюссельская конференция», в котором страстно выступает против апологетов войны. Большую роль сыграл его двухтомный курс «Современное международное право цивилизованных народов», вышедший в 1881–1882 гг. Курс выдержал в России пять изданий и на протяжении 30 лет оставался наиболее авторитетным учебным пособием в российских университетах. Курс довольно быстро был переведен на семь иностранных языков и изучался в зарубежных университетах.

Всемирную известность ему принесло издание «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами». В 1874–1909 гг. он выпустил 15 объемистых томов по материалам российских архивов. Предваряя трактаты и конвенции историческими очерками, Мартенс превратил собрание документов «в историко-дипломатическую энциклопедию русских внешних сношений»¹. (Текст собрания печатался параллельно на русском и французском языках.)

Мартенс являлся активным участником работы Гентского института международного права, в том числе по материалам, относящимся к деятельности Красного Креста. С 1884 г. он постоянный представитель России на конференциях Красного Креста. Он активно участвовал, в частности, в пересмотре прежней конвенции Красного Креста на Женевской конференции 1906 г. За заслуги перед обществом Ф. Ф. Мартенс в 1902 г. был награжден Знаком отличия Красного Креста.

Со временем Мартенс приобрел высокий международный авторитет. За 40 лет работы в российском МИДе он представлял Россию почти на всех международных конференциях с ее участием. Он активно участвовал в создании документов Берлинской конференции по Африке (ноябрь 1884 г. — февраль 1885 г.), а затем Брюссельской конференции по африканским делам (1889–1890 гг.). Там он играл ведущую роль в работе над центральной частью Генерального акта, посвященной международным мерам борьбы с торговлей неграми на море. В 1893 г. его направляют на первую конференцию по международному частному праву, а затем он представляет Россию на второй, третьей и четвертой конференциях. Не раз он выступал арбитром по межгосударственным спорам. Наибольшую известность приобрел его арбитраж по спору между Великобританией и Голландией в 1896 г. Тогда он не только принял решение, удовлетворившее обе стороны, но и сформулировал принцип подсудности капитана за правонарушения в открытом море согласно законам флага судна. В 1899 г. Мартенс во главе третейского трибунала разбирал территориальный спор между Великобританией и Венесуэлой (венесуэльские интересы представляли США). Линия, установленная трибуналом в бассейне реки Ориноко, до сих пор служит границей между Венесуэлой и Гайаной. Мартенс входил в состав российской делегации, подписавшей в Портсмуте (США) в 1905 г. мирный договор с Японией.

Звездным часом юриста и дипломата Мартенса стала подготовка и проведение Первой международной конференции мира в Гааге в 1899 г.

¹ М. А. Таубе. Ф. Ф. Мартенс (1845–1909). Некролог. СПб., 1909, с. 9.

Как теперь известно из архивных материалов, именно Мартенсу пришлось составлять программу конференции.

12 августа 1898 г. российский министр иностранных дел М. Н. Муравьев передал зарубежным представителям в Петербурге циркулярную ноту, в которой предлагалось созвать международную конференцию в целях обеспечения «действительного мира, и прежде всего положить конец прогрессирующему развитию вооружений». Нота была составлена без предварительных консультаций и явилась полной неожиданностью для иностранных государств. В самом российском МИДе нота не была обеспечена никакими разработками или продуманными планами. Она представляла собой, так сказать, «голую идею», рассчитанную прежде всего на внешний эффект.

Действительно, предложение провести конференцию по разоружению вызвало в определенных общественных кругах ряда стран восторженный отклик. Считаясь с такими настроениями, правительства Великобритании, Франции, Германии и других стран поддержали российскую инициативу. Однако и Мартенсу, следившему за иностранной печатью, и самому руководству МИДа было ясно, что ни одна держава не согласится на разоружение. Мартенсу пришлось убедиться в этом. Составляя программу конференции, он справедливо полагал, что Россия, выступив с подобной инициативой, должна дать хотя бы небольшой, но конкретный пример сокращения вооружений. Поэтому он предложил заявить на конференции о сокращении рекрутского набора в русскую армию в год конференции. Однако царь Николай II наложил на проект резолюцию: «Затрудняюсь согласиться на уменьшение состава русской армии»¹.

Добившись положительной реакции общественности и видя утопичность какого-либо разоружения, руководство МИДа было склонно потихоньку похоронить проект конференции. Министр М. Н. Муравьев предложил, например, считать конференцией собрание аккредитованных в Петербурге послов, которые завершили бы дело каким-либо заявлением.

Мартенс, на плечи которого легла подготовка конференции, мыслил иначе. Он, естественно, не верил в реальность ограничения вооружений, но нашел выход в том, что трансформировал конференцию по разоружению в Первую конференцию мира.

Программа, составленная Мартенсом и положенная затем в основу работы Гаагской конференции 1899 г., предусматривала:

1. В области разоружений принять заявление о том, что государства-участники «обязуются на будущее время не прибегать к употреблению вооруженной силы для защиты своих прав и законных интересов, не испробовав предварительно добрых услуг, посредничества или третейского разбирательства».

Кроме того, предлагалось обсудить некоторые меры по замораживанию вооружений.

2. Другое направление работы должно было заключаться в создании постоянного международного арбитражного суда.

¹ АВРП. Оп. 470, дело 63, л. 450.

3. Третье направление работы — принятие конвенции о законах и обычаях войны¹.

Предложенная Мартенсом программа конференции не только выводила из тупика инициативу российской дипломатии по разоружению, но создавала реальную основу мер по упрочению мирных отношений между народами, по смягчению ужасов войны.

На самой конференции, открывшейся 6 мая 1899 г. в Гааге и собравшей представителей 27 государств (21 европейская страна, а также США, Мексика, Китай, Япония, Персия, Сиам), Мартенс был избран председателем третьей комиссии — по законам и обычаям войны.

Хотя соответствующая конвенция была представлена еще в Брюсселе в 1874 г., согласование в третьей комиссии встретило немало трудностей. Однажды сложилась ситуация, которую Мартенс оценил как «кризисную». Дело в том, что возглавляемая Бельгией группа малых стран выступила против самого принципа прав и обязанностей оккупационных армий. Они требовали неограниченного права населения оккупированных территорий на сопротивление. Выход был предложен в так называемой «оговорке Мартенса», который предложил включить в преамбулу Конвенции следующее положение: «в случаях, не предусмотренных принятыми ими (государствами-участниками. — В. П.) постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»². Предложение Мартенса встретили аплодисментами, и вся Конвенция была принята единогласно.

Кроме председательствования в третьей комиссии, Мартенс неоднократно выступал на пленарных заседаниях конференции, в ее второй комиссии. Признание его заслуг было настолько широким, что его называли «душой конференции».

В итоге Первая конференция мира приняла постановление о желательности ограничения военных расходов, а также Конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны и Конвенцию о мирном решении международных столкновений, которая, в частности, создавала Постоянную палату международного третейского суда.

Значение конвенций, заключенных на Первой конференции мира 1899 г., не требует пояснений, равно как и излишне вновь и вновь подчеркивать то влияние, которое эти конвенции оказали и продолжают оказывать на формирование современного международного права. В отдельных положениях Гаагских конвенций (считая и Конвенции 1907 г.) берут начало целые отрасли права, получившие сейчас столь актуальное значение. Эти конвенции остаются памятником выдающемуся российскому юристу и дипломату, гуманисту Федору Федоровичу Мартенсу. Оценивая его вклад в итоги конференции, известный специалист по международному гуманитарному праву профессор Жан Пикте

¹ АВРП. Опись 787, дело 9, ед. хр. 4, л. 80–86.

² В формулировке IV Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Гаага, 18 октября 1907 г., абзац 8 Преамбулы.

писал, что оговорка Мартенса появилась, благодаря его «гению»¹. Примечательно, что в несколько обновленном виде оговорка Мартенса была полностью включена в Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г.²

Для современного человека странно звучат положения Гаагской конвенции о законах и обычаях войны. «Военнопленные могут быть освобождаемы на честное слово...» (Отд. I, гл. II, ст. 10); запрещается «предательски убивать или ранить лиц, принадлежащих к населению или войскам неприятеля», «объявлять, что никому не будет дано пощады», «воспрещается отдавать на разграбление город или местность, даже взятые приступом» (Отд. II, гл. I, ст. 23, 28); «грабеж безусловно воспрещается» (Отд. III, ст. 47). Эти положения отражают реальность войны в прошлом, однако нельзя сказать, что положения Гаагской конвенции не нарушаются в современных конфликтах. Тем не менее трудно переоценить их гуманное значение, их влияние на правосознание.

Вторая международная Конференция мира собралась в Гааге 15 июня 1907 г. при участии 44 государств. Это фактически была всемирная ассамблея или, как считал Мартенс, «международный парламент».

Мартенсу вновь пришлось принимать самое активное участие в подготовке программы конференции, ее работе и принятии согласованных конвенций. С одной стороны, подготовка Второй конференции мира существенно облегчалась тем, что для нее проложила дорогу конференция 1899 г. С другой стороны, Второй конференции пришлось рассматривать немало сложных вопросов, которые были отложены конференцией 1899 г. из-за их трудности. К тому же Вторая конференция мира должна была работать в обстановке обострения противоречий между великими державами и формирования военных блоков, готовившихся к новой войне. Особенно острым было военно-морское соперничество между Великобританией и Германией.

Учитывая складывающуюся обстановку, царское правительство решило направить Мартенса в турне по европейским столицам с целью согласования и выяснения различных вопросов.

В Берлине он встречался с кайзером Вильгельмом II, в Париже — с президентом Фальером, в Лондоне — с руководителем Форин офиса Греем и королем Эдуардом VII, в Гааге — со всей королевской семьей, в Италии — с королем Виктором-Эммануэлем III, в Вене — с министром иностранных дел фон Эренталем и императором Францем-Иосифом. Было немало встреч с высокопоставленными чиновниками, общественными деятелями. Это турне «профессора Мартенса» стало в определенной мере сенсационным. Оно способствовало подготовке к конференции, хотя, естественно, не могло сгладить англо-германских или франко-германских противоречий. В частности, Вильгельм II категорически возражал против обсуждения на конференции предложения Великобритании об ограничении вооружений, угрожая срывом конференции. Позиция Виль-

¹ Ж. Пикте. Развитие и принципы международного гуманитарного права. М., МККК, 1982, с. 78.

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) от 8 июня 1977 г., статья 1, пункт 2.

гельма II оказывала большое влияние на Николая II, и Мартенсу приходилось доказывать «безвредность» английского предложения. Царь все же колебался и даже думал об отмене конференции.

В таких условиях в Гааге начала работу Вторая конференция мира. В этой связи следует отметить, что в своем теоретическом курсе Мартенс отводил регулярно собираемым всемирным конгрессам государств роль законодательных органов мирового сообщества. Как тогда представлялось, историческое развитие предполагало укрепление сообщества на основе права.

Конференция образовала четыре комиссии. Председателем четвертой («морской») был избран Мартенс. Он называл свою комиссию «самой трудной», поскольку в ее работе острее чувствовалось англо-германское соперничество и Мартенсу нередко приходилось смягчать разногласия. Тем не менее благодаря опыту Мартенса четвертая комиссия быстрее всего завершила свою работу.

Конференция в Гааге приняла Заключительный акт, а в виде приложений к нему 13 конвенций и одну декларацию. Было постановлено через определенное время созвать Третью международную конференцию мира.

Конференция 1907 г. пересмотрела и развила дальше ряд положений, принятых Первой конференцией. Вследствие этого документы конференции 1899 г. используются в редакции конференции 1907 г. Первая конференция мира как бы растворилась в своей преемнице, и когда ссылаются на Гаагскую конвенцию, то имеют в виду конференцию 1907 г. Такое забвение Первой конференции мира незаслуженно и в политическом и в правовом отношении. Более справедливо рассматривать обе конференции в их взаимосвязи, и достойна поддержки инициатива России отметить столетие конференции 1899 г. созывом Третьей международной конференции мира.

Выше уже отмечалось, что наступление на войну велось с разных сторон и различными методами. Реальная жизнь, в частности, довольно рано выделила два направления деятельности, связанных друг с другом, но автономных в правовом и организационном отношении. Одно из направлений концентрировалось на защите жертв войны — раненых, военнопленных, интернированных и других некомбатантов. Начало правотворчества в указанной области было связано с Женевской конференцией 1864 г., а сама деятельность — с Международным Комитетом Красного Креста. Это направление получило в литературе условное наименование «право Женевы». Другое направление основное внимание уделяло правилам ведения войны и ограничению военных средств. Это направление, связанное в основном с комбатантами, получило наименование «права Гааги».

Мартенс был живым олицетворением единства «права Женевы» и «права Гааги». Его деятельность подтверждала их органическую связь друг с другом. Мартенс активно работал, развивая «право Женевы». В то же время и на Гаагской конференции 1899 г. он добился принятия ряда важных положений по некомбатантам. Это прежде всего определение статуса военнопленных, раненых и лиц, потерпевших кораблекрушение во время военных действий на море, и гражданских лиц на оккупированной территории. Впоследствии эти положения были включены в Женевские конвенции 1929 г. и 1949 г.

Мартенс заслуженно занимает место среди создателей международного гуманитарного права в его двух направлениях — «права Женевы» и «права Гааги». Однако в наше время его можно назвать одним из создателей такого направления, как обеспечение основных прав человека, которое нормативно обычно начинается с Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. и которое отдельные юристы выделяют в «право Нью-Йорка»¹. Ведь именно Мартенс в своих трудах и правотворчестве ставил человеческую личность в центр международной жизни и видел в охране лица конечное назначение международного права.

Ф. Ф. Мартенс скончался в 1909 г. и похоронен в Петербурге.

Владимир Васильевич Пустогаров — юрист-международник, доктор юридических наук. В прошлом замдиректора Института государства и права Академии наук СССР, ныне ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук. Автор первой монографии о Ф. Ф. Мартенсе, вышедшей в Москве в издательстве «Международные отношения» в 1993 г. под названием «...С пальмовой ветвью мира. Ф. Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист» (287 с.). В марте 1996 г. был удостоен премии им. Ф. Ф. Мартенса Российской Академии наук.

¹ Ф. Кальсховен. Ограничения методов и средств ведения войны. М., МККК, 1994, с. 7–26.